

Когда чиновники разошлись по своим поместьям, премьер-министр тоже хотел было удалиться, но император мертвой хваткой вцепился в него.

Он даже не стал садиться в паланкин, а потащил его за собой прямо в покои дворца Линьцзян.

Там он грубо сорвал с премьер-министра верхнее платье, принявшись лихорадочно осматривать его грудь в области сердца.

Кинжал был направлен в грудь, но премьер-министр не успел приложить силу; лезвие даже не прорезало плотную ткань одеяния. Кожа на груди была нежной и гладкой, словно застывший жир, и лишь красные отметины, оставленные губами императора, никак не желали исчезать.

Император облегченно выдохнул. Силы покинули его, и он, подобно маленькому ребенку, припал к обнаженной груди премьер-министра, тяжело и часто дыша.

Сердце премьер-министра наполнилось раскаянием: он осознал, что угрожал императору собственной жизнью.

Он нежно погладил государя по спине, прижимая его к себе, но не мог вымолвить ни слова.

— Впредь не смей поступать так безрассудно, — глухо донеслось от груди.

Император никогда не любил чрезмерной близости слуг, поэтому, когда он находился в опочивальне дворца Линьцзян, там всегда было безлюдно.

Он приподнялся, обнимая премьер-министра и уткнувшись лицом ему в шею.

— Я в тайном сговоре с Цинь Юэ, чтобы захватить государство Янь, — прошептал он едва слышно.

Цинь Юэ был императором Даюэ. На первый взгляд казалось, что император Лян собирается напасть на Даюэ, но на самом деле они планировали совместно направить войска против Янь.

Дело было строжайшей тайны; император собирался открыть это премьер-министру и ключевым сановникам лишь за три дня до выступления. Он не боялся, что Ли Цзиньюй выдаст секрет, — он просто опасался, что тому будет трудно притворяться перед остальными чиновниками.

Премьер-министр замер в оцепенении, пробормотав:

— Значит... значит, я всё испортил...

Император успокоил его:

— Ничего страшного. Теперь нашему дорогому подданному придется играть эту роль вместе со Мной.

Премьер-министр кивнул. Мысль о том, что он едва не сорвал великий замысел государя, отозвалась в душе щемящей горечью:

— Это моя вина.

Император стянул одежду с плеча Ли Цзиньюя и с досадой прикусил его белоснежное правое плечо.

— Никогда больше не смей так угрожать Мне, — произнес он с остатками пережитого страха.

Премьер-министр поспешно закивал.

Император продолжал ластиться к его плечу, не желая отстраняться.

Переполненный чувством вины, премьер-министр, разумеется, не смел ни в чем отказывать государю.

Обнимая супруга, император снова почувствовал прилив страсти.

— Вчера Я долго совещался с послами Даюэ, — пожаловался он обиженно. — Устал так, что даже не смог разделить с тобой ложе.

Пока он говорил, его ладони начали блуждать в ямочках на пояснице премьер-министра. Несколько лет на полях сражений оставили на руках императора, его ладонях и подушечках пальцев, грубые мозоли от оружия.

Даже сейчас он не пренебрегал тренировками на плацу после утренних приемов, и эти мозоли были его постоянными спутниками.

Когда эта огрубевшая кожа коснулась белоснежной и нежной спины Ли Цзинъюя, поясница премьер-министра вмиг обмякла. Он бессильно прильнул к груди императора, охваченный истомой.

Он что-то бессвязно шептал, но так и не смог заставить себя произнести: «Не пристало предаваться страсти при свете дня».

Вся его душа была устремлена к стоящему перед ним государю. В глубине сердца всплыло чувство вины перед покойным дедом за его строгие наставления: за последний год, как чиновник, он стал лучше прежнего, но как «супруг» слишком часто позволял императору играть с собой, не в силах вымолвить слова протеста. Внизу уже давно стало влажно.

Премьер-министр поднял голову, прильнув к подбородку императора, и руками начал развязывать его нижние одежды.

Он коснулся твердого предмета, который уже начал пробуждаться под тканью. Высвободив руки императора, которые тот держал у него за спиной, Ли Цзинъюй наклонился.

Стоило ему попытаться обхватить ладонями это сокровище, как оно, словно не желая слушать увещаний, резко выпрямилось и ударило премьер-министра по щеке.

Ли Цзинъюй растерянно посмотрел на императора, но, повинувшись велению сердца, всё же обхватил его орган. Он склонил голову и слегка коснулся языком самой верхушки.

Император сглотнул; он опирался на резную спинку кровати, продолжая мягко поглаживать спину партнера.

Премьер-министр попытался взять этот огромный жезл в рот, но стоило ему вобрать лишь часть, как он почувствовал, что тот слишком велик. Казалось, губы вот-вот лопнут от такого напора.

Император мягко похлопал его по плечу:

— Поднимись. Не нужно этого делать.

Однако премьер-министр не желал сдаваться. Помня наставления из тайных книжек с картинками, он выпустил сокровище изо рта и принялся вылизывать его сверху донизу. Вскоре всё естество императора было покрыто прозрачной влагой.

Ли Цзиньюй спустился ниже, лаская языком оба яичка, при этом не давая рукам отдыха, двигая ими вверх и вниз.

На верхушке уже выступила белая капля.

Император видел, как одежда премьер-министра сползла до самой талии, лишь наполовину прикрывая его наготу, обнажая изящное плечо. Маленький язычок дразнил плоть императора, заставляя ее подрагивать.

Затем Ли Цзиньюй снова поднялся выше, втянул верхушку в рот вместе с проступившей влагой и сглотнул.

В животе императора словно разгорелось неистовое пламя. Оно разделилось надвое: одна часть ударила в голову, а другая устремилась вниз, к самому корню. Он продолжал гладить спину премьер-министра — на вид нежно, но в этом жесте уже таилась мощь дракона, затаившегося перед бурей.

<http://bllate.org/book/17312/1620394>